

Социальные реалии вчера и сегодня

© 1991 г.

М.Н. РУТКЕВИЧ

ОБОСТРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

(размышления по поводу предварительных итогов переписи населения 1989 г.)

РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич — член-корреспондент АН СССР. Постоянный автор нашего журнала.

Подзаголовок статьи и ее содержание не должны быть поняты как попытка социолога вторгнуться в заповедные угодья демографической науки. Всесоюзная перепись населения — не только научное, но и политическое событие; не случайно Сталин «похоронил» итоги переписи 1937 г. и только сейчас они становятся достоянием общественности [1]. Кроме того, перепись — колоссальное по масштабам, проводимое и оплачиваемое государством конкретно-социологическое исследование. И анализировать материалы переписи могут и должны представители разных областей общественности.

В предлагаемых заметках предварительные, опубликованные на сегодня (октябрь 1990 г.) итоги переписи 1989 г. рассматриваются в сравнении с материалами переписей 1959, 1970 и 1979 гг. Цель — анализ развития национальных отношений в СССР в **трех аспектах**. Во-первых, как источник сведений об изменении национального состава населения страны в целом, отдельных регионов и республик, а тем самым о некоторых весьма существенных причинах и одновременно следствиях изменений в межнациональных отношениях. Во-вторых, в листах последней переписи вопросам миграции населения отведено больше места, чем во всех предшествующих. Однако по этому разделу итоги переписи пока не опубликованы¹, поэтому наши соображения о роли миграции, причинах и следствиях национальных трений и конфликтов, безусловно, потребуют дополнений, а возможно, и поправок. Наконец, в-третьих, сравнительный анализ четырех переписей дает материал для суждений о распространении русского языка как средства *межнационального общения*, которому в нашей стране отводится роль важного *интеграционного* фактора.

¹ Обещание бывшего председателя Госкомстата СССР относительно сроков обработки переписи 1989 г. остается нереализованным [2].

Как назревал кризис в национальных отношениях

Первая послевоенная перепись 1959 г. состоялась после того, как все страшные (в том числе по своим демографическим последствиям) потрясения были уже позади. Но эти последствия еще долго сказывались на искащенной половозрастной структуре населения. Так, в январе 1959 г. на 1000 мужчин приходилось 1220 женщин, во многих регионах (Белоруссия, Северо-Запад и большинство областей Центра России) еще не была достигнута довоенная численность населения [3]. Последствия коллективизации и голода, сталинских репрессий, депортаций ряда народов и, конечно же, война 1941—1945 гг. дают о себе знать по сей день. Но именно с конца 50-х годов демографическое развитие страны в основном осуществлялось *эволюционным* путем. Сравнение данных четырех переписей, проходивших с промежутком в 10 лет (перепись 1970 г. «выбивается» из ряда, но при подсчетах это учитывается), позволяет многое понять в процессе развития национальных отношений в период, предшествующий их нынешнему кризисному состоянию.

Резкое обострение межнациональных отношений началось (в разных регионах сроки не совпадают) незадолго до января 1989 г. и, кроме Закавказья, еще «не успело» сказаться на результатах переписи². Разгул националистических страстей был впереди; конца им пока не видно. Они потрясли страну, в которой господствовало убеждение о сложившейся нерушимой дружбе народов. По данным Прокуратуры СССР, за два с половиной года около 600 тыс. человек покинули места постоянного проживания, совершено 4648 погромов, в межнациональных конфликтах погибло 946 человек, получили ранения 8652. Кое-где имели место подлинные военные действия с применением тяжелого оружия и вертолетов. Материальный ущерб от этих столкновений вряд ли может быть оценен, но сообщалась сумма 10 млрд. руб. [5]. Эти цифры растут и к моменту выхода статьи в свет изменятся.

Диалектика истории такова, что скачкообразные изменения, крутые повороты в жизни народов (а нет сомнений в том, что страна сейчас находится на крутом историческом повороте) подготавливаются внешне малозаметными, постепенными, «неброскими» сдвигами, происходящими под действием глубинных сил на протяжении десятков лет. Предпосылки нынешнего кризиса в национальных и национально-государственных отношениях в СССР назревали во всех сферах жизни, в том числе и в тенденциях воспроизводства и миграции населения, во взаимодействии языков. Об этом и пойдет речь. Но, обращая внимание на данную связь, мы не склонны приписывать ей решающее значение. Для правильного понимания причин кризиса в национальных отношениях надо прежде всего обратиться к основе — кризису социально-экономическому.

Рост социальной напряженности вследствие развала потребительского рынка, всеобщего дефицита, растущей инфляции, нарушения предприятиями и регионами сложившихся хозяйственных связей порождает попытки «отгородиться», перейти к натуральному обмену и попытаться хотя бы временно улучшить свое положение за счет других. Приход к власти националистических сил в ряде республик (Прибалтика, Молдова, Армения, Грузия) стал возможен в обстановке растущего недовольства ходом перестройки и немощью центральных органов. Но, придя к власти на волне раздуваемого ими шовинизма, национальной нетерпимости, эти силы про-

² Госкомстат СССР отмечает: в Армении и Азербайджане перепись «проходила в сложных условиях, что могло повлиять на счет населения» [4, с. 159].

водят в жизнь политику сепаратизма, обособления, вплоть до выхода из Союза, и тем самым способствуют усугублению экономического кризиса, дальнейшему развалу общесоюзного народнохозяйственного комплекса, что в конечном счете бьет и по населению «своих» республик.

Трактовка экономического суверенитета как *абсолютного* идет вразрез с насущным требованием перехода к общесоюзному рынку, который нужен всем. Не меньше вреда наносит *абсолютизация* политического суверенитета и прав так называемых коренных наций³, которая, естественно, встречает отпор и неминуемо ведет к острым национальным конфликтам в политической сфере. Сотни тысяч беженцев, кровавые погромы, создание групп боевиков, а затем и собственных военных и полицейских формирований, всяческое ущемление прав «некоренных» населения, вплоть до лишения его права голоса на выборах и принуждения к выезду — все это расшатывает, дестабилизирует политическую обстановку в стране.

Отметим еще одну важную особенность: в каждой сфере общественной жизни давление накапливающихся событий обуславливает появление собственной, внутренней логики развертывания процесса, известную *самостоятельность* ее развития. Самостоятельность эта, естественно, ограничена взаимодействием, взаимопересечением всех областей общественной жизни. Но в качестве *относительной* самостоятельности она дает о себе знать, притом с особой силой на крутых поворотах истории.

В сфере национальных отношений на протяжении столетий между народами России сложились прочные экономические и культурные связи, которые получили новый толчок в результате Октябрьской революции, ликвидации национального гнета, складывания единого народнохозяйственного комплекса; степень интегрированности регионов и отраслей в СССР выше, чем в Европейском экономическом сообществе. Дружба народов выдержала испытания Отечественной войны и окрепла в них. Но выделение этой стороны наукой и пропагандой при невнимании, а подчас замалчивании проблем в национальных отношениях, как исторически унаследованных, так и накапливавшихся на протяжении десятилетий вследствие объективных причин и субъективных факторов, в том числе допускаемых руководством страны ошибок (а при Сталине, и преступлений), принесло много вреда. Ныне, на волне гласности и перестройки все эти проблемы оказались в центре общественной жизни.

Действительно, исторически прогрессивная, завещанная Лениным политика всемерной помощи центра (РСФСР, Украина) отставшим окраинам в целях постепенного выравнивания их экономического и культурного уровня принесла свои плоды. Дистанция сократилась, но неравенство не изжито полностью, да и не могло быть ликвидировано в столь короткий срок в тяжелейших исторических условиях. И ныне справедливо поднимаются, с одной стороны, вопросы о недопустимости разрыва жизненного уровня между республиками в 2—3 раза, вымирания малых народностей Севера, о колоссальных экологических издержках индустриализации, а также монокультуры в сельскохозяйственном производстве, и, с другой стороны, о необходимости прекратить многомиллионную ежегодную перекачку средств из России в другие республики, когда ее исторический центр пришел в запустение, а социальная сфера в новых индустриальных районах Востока и Севера РСФСР находится поистине в ужасающем состоянии.

Национально-государственное размежевание, проведенное в основном в 20-е годы и продолженное после войны, способствовало экономическому подъему и росту культуры народов, созданию кадров собственной

³ Попытки теоретически обосновать абсолютный суверенитет республик и, более того, наций, оказываются просто словесными вывертами [6].

интеллигенции и развитию национального самосознания. Но допущенные в ходе этого размежевания ошибки стали сегодня одной из причин затяжных конфликтов, территориальных споров, не решаемых пока демократическим путем. Депортация Сталиным ряда народов в годы войны (и сразу после нее) и возвращение их при Хрущеве на места исконного обитания оставили глубокий след в частности потому, что акция по восстановлению справедливости не была доведена до конца.

Крымские татары, поволжские немцы, турки-месхетинцы из Грузии продолжают борьбу за возвращение. Но в условиях, когда местное население за десятилетия прижилось, обустроилось и протестует против «уплотнения», возникли конфликты, которые не поддаются простой развязке. Развитие новых отраслей промышленности, в том числе экологически небезопасных (добыча ископаемых, атомные станции, гидрооружия и т.д.), способствовало росту производительных сил республик (и большей частью были откликом на их просьбы). Но воплощение этих проектов в жизнь потребовало привлечения рабочей силы со стороны, из других республик и областей, массовой миграции населения и обернулось новыми проблемами — уменьшением доли коренного населения, экологическим ущербом и т.д.

Нельзя умолчать и о таком противоречии. Освобождение от немецко-фашистских оккупантов Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии сопровождалось борьбой с созданными оккупантами из местного населения воинскими и полицейскими формированиями, причем борьба с националистическими бандами в Прибалтике и Западной Украине затянулась на годы. Вполне естественно, что она сопровождалась жертвами с обеих сторон, причем подчас страдало и невинное население, подозреваемое в поддержке бандформирований. Имели там место и весьма широкие репрессии перед войной и после нее. Впрочем, если считать жертвы репрессий, то в России этот счет будет самым большим.

Такова история в ее противоречиях. Но в период нарастания всеобщей неудовлетворенности ходом перестройки, ухудшения материального положения, роста преступности националистические партии и движения, односторонне трактуя историю, изображают ее только как цепь потерь «своей» нации, понесенных из-за «имперской политики» центра. Причем «центром» они охотно называют Россию и русских, провоцируя и вдохновляя разгул националистических настроений, в том числе бытового шовинизма, направленного против русского (и вообще русскоязычного) населения ряда республик и областей, против расположенных там частей Советской Армии и службы в ней местной молодежи. Но разве нынешнее руководство КПСС и страны, провозгласившее перестройку, в том числе в сфере национальных отношений на основе полного равенства народов и соблюдения прав граждан СССР, где бы они ни проживали, можно считать ответственным за весь предшествующий период истории?

Горбачева и его единомышленников в руководстве КПСС и правительстве СССР можно критиковать, но не за полученное ими наследство, а за несвоевременность политических оценок, нерешительность действий, систематическое запаздывание реакции на бурно развертывающиеся события. Опустили с оценкой подлинной сути политической программы Народных фронтов Латвии и Эстонии, «Саюдиса» в Литве, приняв за подлинную монету их клятвы в верности демократии и перестройке, не поддержав вовремя интернационалистские силы в этих республиках. Систематически опаздывали с разоблачением и пресечением деятельности хорошо организованных теневых сил, учинивших кровавые погромы в Сумгаите, Фергане, Баку, Душанбе, Ошской области, бесчинствовавших в центре Кишинева, Тбилиси, Баку и других городов, нарушавших государственную границу в

Закавказье, нападавших (и нападающих) на подразделения Советской Армии и внутренних войск, охраняющих покой населения. Дорвавшиеся до власти националисты не стесняются ни в идеологических средствах, ни в организации психологического стресса для «некоренного» населения, ни в принятии различных постановлений и законов, нарушающих права представителей национальных меньшинств, и прежде всего русскоязычного (в большинстве своем русского) населения. За пределами своих национально-государственных образований (многие вообще не имеют таковых) проживают 60 млн. советских людей, свыше 20% населения страны, и их гражданские права должны быть защищены *при любых условиях*, какое бы дальнейшее развитие не получили национальные отношения.

Взаимосвязанные процессы дифференциации и интеграции в экономике, политике, культуре в многонациональной стране поневоле приобретают «национальную» составляющую. Сегодня под воздействием центробежных сил развитие дифференциации в национально-государственной структуре СССР подошло к грани, когда *дифференциация* грозит превратиться — в той или иной мере — в *дезинтеграцию* имеющейся целостности, в частичный распад Союза. Это угроза реальная. Поэтому требуется внимательно рассмотреть те факторы в развитии национальных отношений, которые «питают» обе эти тенденции.

Воспроизводство населения и национальные отношения

В тенденциях социально-демографического развития за 30 лет «прощупываются» признаки предкризисной ситуации. Рассмотрим сначала тенденции **в изменении численности населения по группам народов**, исторически близких по образу жизни и региону проживания, нередко по языку (тюрко-язычны, например, все основные народы Средней Азии, кроме таджиков). Особо выделяется группа из трех восточнославянских народов, имеющих общий корень в Киевской Руси, близких по языку и семейным традициям вне зависимости от места проживания — от Бреста до Владивостока, от Белого до Черного моря: русские, украинцы и белорусы.

Для того чтобы лучше разобраться в расчетах, представленных далее в таблице, сошлемся на некоторые положения демографической науки. В ходе истории человечество (а тем самым и этнические общности) проходит последовательно (разные народы в разное время и с определенными особенностями) три этапа демографического развития; четвертый только намечается.

Входившие в состав России народы до 1917 г. находились на самых различных стадиях исторического развития, и поэтому на разных участках кривой, описывающей эволюцию воспроизводства населения. За истекшие семь десятилетий многое изменилось, но и в наши дни различия между ними в демографическом поведении столь велики, что часто практикуемое оперирование средними данными по Союзу (например, при сравнении с другими странами) мало что может объяснить в научном отношении.

Первый этап, длившийся долгие тысячелетия доиндустриальной эпохи, характеризуется высоким, ограниченным в основном биологическими факторами уровнем рождаемости и столь же высоким уровнем смертности от голода, недоедания, болезней, а также несчастных случаев, войн, насилия. В результате численность населения была стабильной либо росла очень медленно, преимущественно за счет расширения ареала обитания, либо, напротив, падала из-за мора, стихийных бедствий, вражеских нашествий.

Второй этап был вызван к жизни становлением капитализма, индустриализацией, урбанизацией, улучшением санитарных условий, ростом благосостояния и культуры, а также успехами медицины в борьбе с эпидемиями. Показатель рождаемости оставался высоким (хотя постепенно падал), но показатель смертности уменьшался стремительно. Этот этап часто называют «демографическим переходом» либо «демографическим взрывом», поскольку наблюдается значительный рост населения (в иных странах до 4—5% в год). Западная Европа переживала этот взрыв в XIX веке. В России он начался в 60-е годы XIX века, но был прерван массовыми потерями в годы первой мировой и гражданской войн, коллективизации и второй мировой войны. В развивающихся странах демографический взрыв в разгаре, но почти всюду его «пик» уже прошел (в 50—60-е годы, на островах Океании в 70-е), либо проходит (Западная и Центральная Африка) [7, с. 30—31]. После прохождения «пика» начинается медленный «спуск», определяемый прежде всего изменением социально-экономических условий, который рано или поздно подводит к **третьему этапу**.

Этот этап характеризуется дальнейшим снижением уровня смертности, особенно младенческой (в Японии пять на 1 тыс. на первом году жизни), благодаря росту благосостояния, улучшению экологических условий, успехам медицины и, как результат, ростом средней продолжительности жизни (в Японии до 80 лет). Одновременно снижается уровень рождаемости, прежде всего за счет планирования семьи (чему способствует распространение современных средств контрацепции), но также и ряда дестабилизирующих факторов: роста удельного веса одиночек, разводов, падения нравов и т.п. В результате естественный прирост населения становится незначительным либо прекращается. Так, в странах Западной и Северной Европы в 1989 г. указанный прирост составил: в Швеции — 1,9 (на 1 тыс. человек населения), Великобритании — 1,7, Бельгии — 1,2, Австрии и ГДР — 0,1, а в ряде вполне благополучных стран оказался отрицательным (ФРГ, Дания, Венгрия). А если принять во внимание рост средней продолжительности жизни и изменение возрастной структуры населения, то эти цифры свидетельствуют об уже начавшемся процессе *депопуляции*, который как бы маскируется незначительным естественным приростом и перекрывается притоком иммигрантов, которые в иных странах Западной Европы составляют до 7—10% населения. Демография давно использует коэффициенты воспроизводства, «очищенные» от указанных факторов. Наиболее точный из них, так называемый нетто-коэффициент воспроизводства населения⁴ в развитых странах Запада давно перешел «роковую черту» — единицу. В 1970—1974 гг. он составлял 1,03, в 1975—1979 гг. — 0,96, в 1980—1984 гг. — 0,94 и продолжает снижаться. А в ряде стран Европы положение стало просто угрожающим (Австрия — 0,7, Дания — 0,67) [7, с. 243—252].

В «обществе потребления» складывается тенденция, при господстве которой даже специальные меры государства (дотации на детей, помощь матерям-одиночкам и т.д.) не оказывают существенного воздействия на желание обзаводиться более чем двумя детьми у большинства семей. Однако для простого воспроизводства численности населения надо, чтобы каждая сложившаяся семья имела в среднем 2,1—2,3 и более детей в зависимости от коэффициентов брачности, детской смертности и т.д.

В этих условиях становится необходимостью переход к **четвертому**

⁴ Нетто-коэффициент (чистый коэффициент) воспроизводства женского населения показывает, сколько в среднем девочек, рожденных одной женщиной на протяжении всей ее жизни, должно было бы дожить до возраста матери при их рождении (при сохранении половозрастных показателей рождаемости и смертности данного периода — года).

этапу, на котором должна быть рано или поздно преодолена тенденция к депопуляции. Некоторые признаки перехода к этому этапу наблюдаются в ряде стран Запада, он обусловлен дальнейшими успехами медицины, ростом социальной уверенности, усилением стимулирующих факторов (материальных и моральных) и т.п. Согласно прогнозам ООН, нетто-коэффициент может достичь значения 0,97—0,99 к 2020—2024 гг. в странах Западной и Северной Европы, а в Северной Америке (где показатели у негритянского населения, а также мигрантов из Азии и Латинской Америки выше 1) к концу столетия [7, с. 247].

Населяющие Советский Союз народы находятся либо на втором этапе, т.е. на разных ступенях «демографического перехода», либо на третьем, когда в большей или меньшей степени в перспективе обрисовывается опасность депопуляции. При этом, конечно, налицо большое многообразие оттенков: есть народы, находящиеся как раз на повороте от второго к третьему этапу; некоторые малочисленные народности Севера, живущие в особо неблагоприятных условиях, не смогли еще покинуть первый этап, вследствие высокого уровня смертности им грозит вымирание.

Но нельзя объять необъятное, поэтому перейдем к анализу таблицы, в которой объединены (при известных различиях) группы этносов и выявлена динамика показателей воспроизводства населения с 1959 по 1989 г.

Из таблицы явствует, что русские, украинцы и белорусы, эти три близких по языку, обычаям, поведению народа, объединенные общностью

Рост численности населения СССР (1959—1989 гг.; в национальном разрезе)

Группы национальностей	Численность населения согласно переписи, тыс.				Темпы роста по периодам, %		
	1959	1970	1979	1989	1959—69	1970—78	1979—88
Русские, украинцы, белорусы	159280	178820	189207	199381	12,27	5,81	5,38
Коренные народности автономий Волго-Уральского региона РСФСР*	10252	11905	12445	13008	16,12	4,54	4,52
Коренные народности автономий Северо-Кавказского региона РСФСР**	2341	3190	3793	4707	36,27	18,90	24,10
Коренные народности Прибалтики (литовцы, латыши, эстонцы)	4715	5102	5310	5554	8,21	4,08	4,60
Коренные народности союзных республик Закавказья (армяне, грузины, азербайджанцы)	8419	11184	13198	15401	32,84	18,01	16,69
Коренные народности республик Средней Азии (узбеки, таджики, туркмены, киргизы, каракалпакцы)	9556	14544	19591	26595	52,20	34,70	35,75
СССР	208821	241720	262085	285743	15,75	8,42	9,03

* Татары, башкиры, чувашы, марийцы, мордва, удмурты, коми, коми-пермяки.

** 10 народностей Дагестана, а также чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы, адыгейцы, абазинцы.

Группы национальностей	Ежегодный средний*** прирост по периодам, %			Доля населения страны, %			
	1959—69	1970—78	1979—88	1959	1970	1979	1988
Русские, украинцы, белорусы	10,7	7,0	5,3	76,28	73,98	72,19	69,7
Коренные народности автономий Волго-Уральского региона РСФСР*	13,7	4,9	4,8	4,91	4,93	4,75	4,55
Коренные народности автономий Северо-Кавказского региона РСФСР**	28,5	19,4	21,8	1,12	1,32	1,45	1,65
Коренные народности Прибалтики (литовцы, латыши, эстонцы)	7,2	4,0	4,5	2,26	2,10	2,03	1,94
Коренные народности союзных республик Закавказья (армяне, грузины, азербайджанцы)	26,3	18,6	15,6	4,03	4,62	5,04	5,39
Коренные народности республик Средней Азии (узбеки, таджики, туркмены, киргизы, каракалпакки)	39,0	30,1	30,1	4,58	6,02	7,47	9,31
СССР	13,4	9,0	8,7	100,0	100,0	100,0	100,0

*** При расчете учитывается, что первый период 11 лет, второй 9, третий 10, а также нарастание итога (сложные %%).

происхождения, частично смешались, особенно в процессе заселения южных степей, Сибири, Дальнего Востока, а также новых индустриальных регионов. Достаточно вспомнить, что на Украине проживает 11,5 млн. русских (это 8% от общей численности русских в стране и более 20% населения республики), а в РСФСР 4360 тыс. украинцев и 1206 тыс. белорусов, что составляет соответственно около 10% и более 12% общей численности украинского и белорусского населения страны [8—9].

Именно в рассматриваемый период эти народы окончательно «распрошались» с затухавшим все более «демографическим переходом» и перешли в стадию, когда становится реальной перспектива депопуляции. Важнейшие факторы, обусловившие эту эволюцию: индустриализация и урбанизация; миграция из деревни в город, сопровождавшаяся постарением (а кое-где исчезновением) сельского населения; сокращение числа детей в сельской семье, в недавнем прошлом многодетной, до «городских» стандартов (1—2 ребенка на семью). Немалая роль здесь принадлежит длительной неустроенности мигрантов в городах и рабочих поселках, кризису с жильем и ухудшающимся снабжением (особенно на Урале, в Кузбассе, нефтегазовом комплексе Западной Сибири, зоне БАМа, на Дальнем Востоке). Семейные устои трещат. Если соотношение числа браков и разводов в 1950 г. составляло по РСФСР 0,5 развода на 12 браков (в расчете на 1 тыс. человек), то в 1988 г. — 3,9 на 9,5, т.е. число разводов превысило 40% от числа браков; близки цифры по Украине (более 40%) и Белоруссии (34%) [10, с. 117—118]. В результате быстро растет число

детей в «неполных» семьях (матери-одиночки) и брошенных родителями, воспитываемых государством в детских домах. Средний размер семьи в трех республиках в конце 70-х годов был 3,3 человека, а в конце 80-х — 3,2 [11, с. 220; 12]. В связи с обострением экономического кризиса можно ожидать нарастания неблагоприятных явлений в семье и в воспроизводстве населения по данной группе народов. Это видно и по изменениям нетто-коэффициента. В 1960—1961 гг. в РСФСР он составлял 0,934, в 1980—1981 гг. упал до 0,878, затем несколько поднялся — до 1,005 в 1988 г.; надо учитывать, что этот усредненный по республике коэффициент аккумулирует в себе различия между показателями у русских и ряда коренных народностей автономий. Аналогичную кривую он описал на Украине: с 0,960 (1969—1970 гг.) он упал до 0,910 (1980—1981 гг.) и несколько поднялся — до 0,957 в 1988 г. В Белоруссии он снизился с 1,092 (1969—1970 гг.) до 0,965 (1988 г.) [10, с. 114].

Некоторый подъем рождаемости в этих республиках в 80-е годы объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22.01.1981 г., определившим ряд мер по усилению помощи семьям, имеющим детей, прежде всего увеличению сроков отпусков по уходу за детьми (оплачиваемого и неоплачиваемого) [19]. Во-вторых, известным образом на демографические показатели повлияла антиалкогольная кампания 1985—1987 гг. Но это факторы кратковременного действия. Так, только за один год (сравнивались 1989 г. и 1988 г.) коэффициент естественного прироста снизился по РСФСР с 5,3 до 3,9, по Украине с 2,8 до 1,8, по Белоруссии с 5,7 до 4,9 [13]. Вот почему вывод наших известных демографов: «в республиках с наиболее низкой рождаемостью явной тенденции к падению рождаемости реальных поколений сейчас не наблюдается» [14] представляется излишне оптимистичным. Надо брать долговременную тенденцию, которая, как известно, в общественной жизни всегда действует не прямолинейно, а через отклонения в обе стороны, имеющие причины частного порядка.

Весьма показательны для характеристики демографических тенденций следующие данные: на 1 тыс. женщин-русских в конце 70-х годов приходилось 1773 рождаемых ими детей, украинок — 1823, белорусок — 2006 [11, с. 358]. При учете наличных коэффициентов брачности, половозрастной рождаемости и смертности цифры для обеспечения простого воспроизводства населения должны были бы находиться на уровне 2200—2300. И это — несмотря на существенное снижение уровня смертности, особенно на Украине и в Белоруссии (до 11,7 и 12,9 на первом году жизни на 1 тыс. родившихся) [15]. Стало быть, уже свыше 30 лет у основного этнического массива населения СССР не обеспечивается простое замещение поколений.

В результате, как это следует из подсчетов (см. табл.), доля восточно-славянского населения в составе населения СССР последовательно и быстро снижается — с 76,3% в 1959 г. до 69,8% в 1989 г. и будет продолжать снижаться в обозримое время, что с необходимостью повлечет за собой относительное понижение экономического потенциала трех республик, составляющих историческое ядро содружества народов нашей страны.

Нами специально выделены группы национальностей, являющихся коренными для автономии⁵ двух регионов РСФСР: Волжско-Уральского и Северо-Кавказского. Конечно, следует принимать во внимание, что эти народы тоже широко расселились по стране и, напротив, в соответствующих республиках (например, Татарской АССР) они не всегда составляют

⁵ Летом — осенью 1990 г. большинство этих республик отказались от названия автономных, но остались в составе РСФСР.

большинство населения. Поэтому нами взяты не группы республик, а группы народностей, поскольку и в данном случае мы полагаем, что демографические показатели у татар и осетин, чувашей и чеченцев, проживающих в «своей» республике и за ее пределами, весьма близки.

У коренных народностей Северного Кавказа «демографический взрыв» продолжается, хотя и с различной степенью интенсивности. Ежегодный средний прирост населения несколько снизился по сравнению с концом 50-х годов, но продолжает держаться на уровне таких развивающихся стран зарубежного Востока, как Турция (20,8), Индия (17,2), Шри-Ланка (18,1), Вьетнам (20,4) (данные за 1987 г.) [7, с. 63]. Неудивительно, что доля этой группы народов в населении Союза за 30 лет возросла более чем в 1,5 раза — с 1,12% до 1,65%. Рождаемость продолжает оставаться высокой, семья — многодетной, смертность понемногу снижается, хотя ее уровень несколько выше, чем у русского населения этого региона. Соответственно высока доля детей и молодежи в населении, что вызывает сложные проблемы, прежде всего трудоустройства. Значительная часть молодежи длительное время не занята в общественном производстве. В ряде республик, особенно в Чечено-Ингушетии, растущую роль играет отходничество (один из видов маятниковой миграции) [16].

Иным образом складывается демографическая ситуация у коренных народностей финно-угорского и тюркского происхождения в Волжско-Уральском регионе. Многие века совместного проживания с русскими, как на территории нынешних автономий, так и за их пределами обусловили близость образа жизни (только в сельских поселениях сохраняется существенная национальная специфика) и демографического поведения. Ежегодный средний прирост населения в 60-е годы был несколько выше, чем у русских, но затем резко пошел на снижение и в настоящее время ниже, чем у славян. Доля этих народов в общей численности населения страны с 1970 г. (4,93%) начала снижаться и составила по переписи 1989 г. 4,55%. Известную роль в этом играют ассимиляционные процессы.

Прибалтийские народы весьма сходны в демографическом отношении с народами Центральной и Северной Европы. Они уже давно находятся на условно названном нами «третьем» этапе демографической эволюции. Нетто-коэффициент в прибалтийских республиках последние три десятилетия колеблется вокруг 1, упав в конце 70 — начале 80-х годов, он затем несколько поднялся. Литовцы в большей степени, чем латыши и эстонцы, сохраняют традиции среднедетной семьи. На 1 тыс. женщин-литовок в конце 70-х годов приходилось 1795 детей, эстонок — 1599, латышек — 1455 [11, с. 358].

Ежегодный темп естественного прироста (0,4% в 70-е годы и 0,45% в 80-е) вдвое ниже, чем по стране в целом, соответственно доля прибалтов в населении СССР сокращается: с 2,2% в 1959 г. до 1,94% в 1989 г. Одновременно вследствие миграции населения из других регионов (русскоязычного) и несколько более высокой рождаемости у прибывших (иная возрастная структура) удельный вес коренной национальности в населении республик уменьшается: доля эстонцев в Эстонии снизилась с 74,6% в 1959 г. до 61,5% в 1989 г.; латышей в Латвии — с 62% до 52% [11, с. 128—129, 136—137; 17—18]. Иначе обстоит дело в Литве, где доля коренного населения сравнительно стабильнее, и поэтому проблема «мигрантов», дискриминируемых нынешними властями, не должна была бы играть существенной роли. Но «логика» национализма одинакова: рыбаки Клайпеды и энергетики Снечкуса ощущают психологический стресс не в меньшей степени, чем горняки Кохтла-Ярве и машиностроители Риги.

Проблема «мигрантов» стала полем ожесточенной политической борьбы.

Пришедшие к власти Народные фронты Эстонии и Латвии и «Саюдис» в Литве принимают все более жесткие меры по ограничению прав русскоязычного населения, в том числе проживавшего в республиках в годы буржуазной власти, а также поселившегося вскоре после войны. Потомки этих людей вполне могут считать себя «коренным» населением, не говоря уже о поляках в юго-западных районах Литвы, где они живут веками. Безусловно, перспектива остаться в меньшинстве на территории своей исторической родины не может не волновать. Но организованное ведомствами переселение из других регионов для строительства и эксплуатации новых объектов прекращено, а поток стихийного, неорганизованного переселения уже сменил направление, о чем мы расскажем в следующей статье. Националистические силы, в том числе крайние, вроде «Комитетов граждан» (регистрирующих лиц, проживавших на данной территории в 1940 г. и их прямых потомков), используют проблему мигрантов для нагнетания националистического психоза и завоевания голосов коренного населения. Попытки ввести ценз оседлости, требование использовать повсеместно только государственный язык, сокращение приема на русские отделения в вузах, наконец, распространение бытового шовинизма — такова атмосфера в этих республиках. И остается только удивляться близорукости некоторых руководящих деятелей в центре, которые не сумели разглядеть за «перестроечной» фразеологией подлинной программы сепаратистских партий и движений.

В корне отличается демографическая ситуация в Закавказском регионе и Средней Азии. При немаловажных различиях в демографическом развитии три основных народа Закавказья продолжают удерживать более высокий, чем в среднем по СССР, темп естественного прироста населения, хотя он постепенно снижается: с 26,3% в 60-е годы до 15,6% в 80-е.

В наибольшей мере остаточные явления «демографического перехода» присутствуют в Азербайджане. Численность азербайджанцев по Союзу за 30 лет возросла в 2,3 раза (с 2940 тыс. до 6791 тыс.), что сближает их с тюркоязычными народами Средней Азии. В Грузии и Армении этот переход в основном уже произошел. Нетто-коэффициент за 20 лет (1969—1988) упал в Грузии с 1,233 до 1,058, в Армении — с 1,488 до 1,023, в Азербайджане — с 2,085 до 1,268. Как было отмечено выше, данные по республикам не полностью коррелируются с данными по национальностям потому, что республики многонациональны, а также потому что численность армян, азербайджанцев и грузин, проживающих за пределами соответствующей республики, весьма значительна и растет.

За 30 лет произошло снижение естественного прироста, но и сейчас (15,6 на 1 тыс.) он в 3 раза превышает этот коэффициент у славянского населения. Доля указанных народов в населении СССР устойчиво растет: с 4% в 1959 г. до 5,4% в 1989 г. Последствия ускоренного роста населения ощущаются особенно в Армении и Азербайджане, где проблема трудоустройства молодежи является одной из самых тревожных, формируя увлекаемый националистическими партиями контингент для митингов, отрядов охранников и боевиков. Например, военные действия на границах Азербайджана осуществляли формирования так называемых фидаинов из Армянской национальной армии (АНА).

Наиболее остро демографический взрыв дает о себе знать в Средней Азии, где он произошел позднее, чем в других регионах страны и в иных исторических условиях. В этап коренных преобразований, начатых с 1985 г., регион вступил на «восходящей» ветви кривой этого «взрыва», что усугубляет остроту всех социальных и национальных проблем. Население пяти коренных национальностей региона возросло за 30 лет в 2,8 раза, что существенно изменило их удельный вес в населении

страны — с 4,6% до 9,3%, т.е. более чем в 2 раза. Планирование семьи здесь пока что охватило весьма узкий круг городского населения. На 1 тыс. узбечек (данные 1979 г.) рождается 3293 ребенка, туркменок — 3299, киргизок — 3 363, таджичек — 3700 [11, с. 358]. С тех пор эти коэффициенты мало изменились. Особенно острое положение складывается в районах поливного земледелия, поскольку сельское население мало мобильно. В Таджикистане процент деревенских жителей в последние два десятилетия возрастает (с 62,9% в 1970 г. до 67,4% в 1989 г.) [10, с. 25].

Тенденция к увеличению естественного прироста — вопреки по-прежнему высокой (50 и выше на 1 тыс. в некоторых областях) младенческой смертности — сохраняется. Этот показатель вырос в Узбекистане с 26,4 в 1980 г. до 28,3 в 1988 г., в Туркмении соответственно с 26,0 до 28,2, в Киргизии — с 21,2 до 23,8 (здесь выше доля русского населения), в Таджикистане — с 29,0 до 33,0 [4, с. 26].

Аграрное перенаселение и рост численности неработающей молодежи создают предпосылки для столкновений на национальной почве, которые готовятся и небезуспешно проводятся националистическими организациями при помощи мафии и нередко при покровительстве местных властей. Так обстояло дело при погромах турок-месхетинцев в Фергане, в кровавых столкновениях киргизского и узбекского населения в Ошской области. Отток коренного населения за пределы региона незначителен, отток из села в города региона растет. При этом в городах растут районы примитивной неблагоустроенной застройки, без коммунальных удобств, без источников чистого водоснабжения. Население этих трущоб — легко воспламеняемый материал, особенно для проповедников в мечетях. Именно таково происхождение погрома в Душанбе.

Таким образом, различия по характеру естественного воспроизводства населения в нашей стране весьма велики, как по регионам, так и особенно в национальном разрезе. Различия в социально-экономическом плане находят выражение в трудоизбыточности рабочей силы в одних частях страны и трудонедостаточности — в других. Условность этих понятий не подлежит сомнению, переход к рыночным отношениям сделает тайное явным и обострит ситуацию; нам придется столкнуться с безработицей и в районах, ныне фигурирующих как трудонедостаточные. Но на протяжении рассматриваемого периода система хозяйства не претерпела существенных изменений, вводимые новые формы, как-то: кооперация, аренда, индивидуальная трудовая деятельность и т.д., к моменту последней переписи — началу 1989 г. еще не получили развития, на использовании трудовых ресурсов только начали сказываться.

Данные различия содержат в себе известные *предпосылки кризиса* в межнациональных отношениях, но эти предпосылки начинают играть активную роль возбудителя трений и конфликтов, во-первых, при обострении экономического положения, о чем было сказано ранее; и, во-вторых, если они не «погашаются» миграцией, переливом работников и их семей из одних регионов страны в другие, а также миграцией через государственные границы. Весьма «спокойное» отношение правящих кругов многих развитых стран Запада, имеющих низкий или даже отрицательный коэффициент естественного прироста населения, к угрозе депопуляции не в последнюю очередь объясняется возможностями регулируемой иммиграции рабочей силы из менее развитых стран, в том числе бывших колоний, а в самое последнее время и из стран Восточной Европы. Но это особая тема. Что же касается роли миграции в обострении межнациональных отношений в нашей стране, то о ней в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социол. исслед. 1990. N 7. С. 50—70.
2. Вестн. статистики. 1988. N 12. С. 4.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М.: Статистика, 1962. С. 20—23, 25.
4. Народное хозяйство СССР в 1988 г. М.: Финансы и статистика, 1989.
5. Комс, правда. 1990. 22 авг. С. 1.
6. *Бутенко А.* Неотчуждаемый суверенитет // Правда. 1990. 1 окт. С. 2.
7. Население мира. М.: Мысль, 1989.
8. СССР в цифрах в 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 38.
9. РСФСР в цифрах в 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 23.
10. Население СССР. 1988. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989.
11. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Финансы и статистика, 1984.
12. Вестн. статистики. 1990. N 6. С. 78—79.
13. Численность, естественное движение и миграция населения в 1989 г. Стат. бюллетень. М.: Госкомстат СССР. 1990. С. 30.
14. Социол. исслед. 1988. N 3. С. 57.
15. Стат. пресс-бюллетень Госкомстата СССР. 1990. N 4. С. 47.
16. Социол. исслед. 1989. N 1. С. 46—49.
17. Народное хозяйство СССР в 1959 г. М.: Госстатиздат, 1960. С. 19—20.
18. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М.: Статистика, 1973. Т. IV. С. 280, 317.
19. КПСС в резолюциях, решениях съездов и Пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1988. Т. 14. С. 125—132.